

Ольга Макарова

Возвращение домой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Макарова

Возвращение домой

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Макарова О. Д.

Возвращение домой / О. Д. Макарова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Художественное произведение о том, как и почему не самые плохие люди из поколения в поколение поневоле становятся "лишними". Все ситуации, персонажи и прочий контекст произведения вымышлены, на основе рассказов некоторых людей о событиях их жизни. Все совпадения с реальностью случайны. Мнение и взгляды автора могут не совпадать с мнением и взглядами персонажей. Обложка оформлена автором. Содержит нецензурную брань.

© Макарова О. Д., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Накипь	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

*Бабушкам Труниной Зинаиде Васильевне и Масловой Галине Алексеевне, прабабушке
Губиной Ольге Дмитриевне.*

Накипь

Часть 1

У Любки Рыжовой день рождения за два дня до нового года – 29 декабря. «Лучше бы 29 февраля, – шутили девчонки из корректорской, – Не каждый год было бы так неудобно». Любка обычно предупреждала за неделю, тихонько подходила, ставила локти на стол, опиралась на ладони подбородком и с видом заговорщицы заглядывала в глаза и шептала: «Леночка, двадцать девятого после работы ко мне, я с Иосифом Всеволодовичем договорилась, всех отпускает пораньше. Девочки обещались, ничего особенного, ненадолго, коньячок, курочку пожарю (уже купила – хорошая), конфеты, посидим часочек-другой, песни попоем». Все, конечно, соглашались – трудно отказывать, глядя в глаза просящему. Но за два дня до нового года, когда можно под благовидным предлогом улизнуть с работы, тащиться на нудные посиделки к молодящейся притворно-веселой женщине? И это вместо того, чтобы, пользуясь ранним будним временем, столь приятным из-за отсутствия в магазинах рабочего люда, носиться по городу в поисках подарков домашним и какой-нибудь дефицитной снеди на новогодний стол? Да девчонки весь год ждут этого дня! Плюгавенький Йосик строго блюдет должностную инструкцию и никого никогда просто так не отпускает, даже накануне женского дня ждет специального распоряжения высшего начальства. И переплетчицы, и нормировщицы, и бухгалтерши с библиотекаршами, все с тюльпанами и пьяные, и даже мужики из печатного и наборного цехов, пошатываясь, уплывают уже далеко за проходную, когда Йосик, поджав губы, только звонит наверх, и, вздыхая, говорит: «Сокращенный день, девочки, можете идти».

Все знают, за что Любке такое послабление со стороны Йосика: хочет опоздать, хочет, уйдет пораньше, может и на работу не выйти, а может и весь коллектив отпросить к себе на день рождения. Все знают, но никто ей не завидует, напротив, жалостливо презируют. Во-первых, Йосик из разряда карманных мужчин – росточком не вышел, при этом еще и страшен как черт – сам лысый, а из ушей такие кудри черные прут, что хоть наверх зачесывай, глазки злые маленькие, лоб сморщенный, нос как клюв хищной птицы. Одного взгляда на это тщедушное тельце достаточно, чтобы увидеть все его пороки и проблемы со здоровьем. Во-вторых, характер у него мерзкий, деспотичный. И при всем при этом этот недоразвитый «Наполеон» пожизненно женат на нормировщице Жанке. Ох уж эта Жанка! Поперек себя шире, высокая, суровая бабища с большими коровьими глазами и черной порослью под носом. И как только Любка не побоялась? Впрочем, Жанке, казалось, собственный муж был до лампочки, все радости жизни ей давно заменили романы в мягком переплете и корзиночки с маргариновыми розочками и сливовым повидлом из кафетерия фабрики. Приходя на работу, она безостановочно поглощала и то, и другое, и дома, наверное, занималась тем же.

Йосик давно положил глаз на Любку, еще когда она молоденькая в платьице в цветочек, похожая на Гурченко, поющую про пять минут, первый раз переступила порог корректорской. Девочки-сослуживицы ее сразу приняли: открытая, веселая, с юморком, взаймы всегда даст, работы не боится, не выпендривается, как некоторые «красавицы», ничего лишнего себе не позволяет. Йосику оставалось только смотреть, да вздыхать.

Сидела Любка за одним столом с Женечкой, которая недавно вышла замуж за инженера, и потому чувствовала себя причастной к небожителям. Инженеры на фабрике были кастой привилегированной: никто точно не знал, чем они занимаются, большую часть дня инженеры проводили в курилке, пуская друг другу дым в очки, но при этом оклады у них были самые высокие. Женечка пребывала в эйфории, ей хотелось творить вокруг себя добро и сеять любовь. Она придумала, как избавить свою подругу от чрезмерной опеки со стороны начальника, да и вообще устроить Любкину жизнь. У мужа-инженера был друг, тоже какой-то интел-

лигент голубых кровей, пьющий благородные напитки. Вот и отправились они на совместный променады по вечернему парку – Любка под ручку с интеллигентом и Женечка с мужем-инженером. Вот об этого то инженера и разбилась вся Любкина жизнь.

Все знали, одна Женечка ходила в прежнем упоении и ничего вокруг себя не видела. Все молчали – жалко Женечку, Любку же дружно возненавидели, но только шушукались за спиной: «Ппустила насадка лисицу в курятник, поутру петуха недосчиталась». Муж-инженер гнева на себя почему-то не навел, он вроде как в стороне – такая же Любкина жертва. До Женечки, наконец, дошло, когда однажды вечером ее Иван Сергеевич собрал свой скромненький чемоданчик и перешел в соседний подъезд, где у Любки была комната. Другая бы на ее месте глаза выцарапала «подружке», но Женечка скандалить не стала, уволилась по-тихому, и, не дожидаясь развода, уехала к маме в Москву. Иван Сергеевич даже чемоданчик не успел разобрать, так и вернулся в свое разоренное супружеское гнездо, прихватив с собой еще и пару сумок с Любкиными платяницами в цветочек, а ля Гурченко. Конфронтация перешла в открытую, девочки шипели как змеи, и распекали бывшую подругу на чем свет стоит. «Но, миленькие вы мои, – оправдывалась Рыжова, – это ж такая любовь, сердцу не прикажешь. Он же такой умный, такой добрый, такой порядочный». Не уговорила – замужние девчонки из корректорской, все как одна, с ужасом представляли себя на месте несчастной Женечки. Рыжову игнорировали. Впрочем, она скоро смирилась, началась для нее жизнь замужняя – спокойная и тихая. В обед она бежала в кулинарию на углу и, отстояв там длинную очередь, покупала котлеты по-киевски, столь любимые Иваном Сергеевичем, чтобы вечером праздновать семейную идилию, пожарив их с картошкой. Бывало, что Ритка Арбатуева, по прозвищу "Татарка", большая любительница вкусно пожрать, украдет у Любки ее трофеи (стол Рыжовой стоял у окна, и оттуда совсем не видно было темного угла, в котором рычал громоздкий белый холодильник Зил). Ритку никто не выдавал – насолить Лисице Рыжовой считалось делом благородным. Однажды Любка раскусила воровку по запаху, кинулась к Риткиной сумке, но не тут-то было – девчонки кольцом встали вокруг Татарки. Любка плакала и скулила от обиды, но не могла же она не класть котлеты в общий холодильник, до вечера-то они могут, и испортится!

«Не было бы счастья, да несчастье помогло!»: после очередного грабежа Любка, чтобы не кормить радость недругов своими слезами вышла в большой холодный коридор и уж там дала себе волю. Рыба – лупоглазая Машка из нормировщиц шла из уборной и наткнулась на стенающую Любку.

Рыба обожала несчастье и несчастных, потому что сама была до крайности замордована жизнью: росла без отца с матерью-деспотом, пучеглазая и рыхлая она долго не могла выйти замуж, а когда вышла – в тридцать лет за престарелого слесаря Володина, никак не могла забеременеть, а когда, наконец, забеременела и родила двойню, слесарь Володин от радости перебрал, и престарелое сердце не выдержало. Через год она похоронила мать и теперь одна тащила двух своих пучеглазеньких на зарплату нормировщицы. Пучеглазеньким икринкам не нравилось полное отсутствие в их жизни папы и многих удовольствий, которые имеют другие дети. Неспособные понять масштабы личной трагедии мамы, они считали ее злой и жадной и просто не любили.

Рыжова и Володина крепко сдружились, им было, что вылить друг другу. Татарка лишилась дармовщинки – Любка теперь хранила свою добычу в холодильнике нормировщиц и Рыбины дети регулярно получали от тети Любы печенье «Юбилейное» и шоколад «Аленка». Жизнь налаживалась, но как это всегда бывает – только расслабишься, судьба так треснет тебя по башке, что вскрикнешь. Умный, добрый, порядочный Иван Сергеевич, который, кстати, за прошедшие пять лет так и не удосужился оформить развод с Женечкой и семейную жизнь с Рыжовой, получил гневно-слезное письмо от матери своей законной: "...Ребенок, б..., растет без отца, а скоро в школу и что люди скажут? Вот Женечка рано или поздно встретит прилич-

ного человека, и хорошо бы ей замуж – а тут старый штамп в паспорте, и она сама писать тебе, скотине, стесняется, хотя надо было бы давно все точки над е расставить".

Инженер Степанов прочел, закурил, сел в горбатое кресло с полированными подлокотниками и стал крепко думать: "Здесь страсти-то поутихли – картошка с курицей надоела, а "Оливье" Любка так и не научилась готовить, а там ребенок – пять лет уже, оказывается – рожден, можно сказать, в законном браке. Еще пять лет и в магазин можно будет посылать, без сдачи. И что же – какой-то хмырь будет своими грязными лапами по беленьким волосикам гладить и мороженое покупать? Опять же, Москва – столица нашей Родины. Футбол, хоккей, музеи всякие."

Купил цветы, торт, "Лучистое", "Столичную" и поехал пятничной вечерней электричкой в Москву, по указанному в письме обратному адресу.

Любка в тот день, как обычно, дожидалась своего Степанова у проходной, чтобы на глазах у злопыхательниц торжественно вручить ему в левую руку сумку с "кулинарией" и томно взявшись за локоток правой отправиться вдвоем со своим красавцем в счастливые семейные выходные в обжитом уюте.

– А он сегодня пораньше отпросился, сказал, в магазин надо – за тортом и цветами. У тебя день рождения, что ли? – бросил ей на ходу один из сослуживцев Ивана Сергеевича.

Рыжова полетела домой, как на крыльях: "Ваня решил устроить праздник без всякого повода. Вот это любовь".

А дома ждали и повод, и "праздник". Весь вечер металась она по квартире с письмом в руках, пила корвалол. В субботу, не выдержав одиночества и тоски, купила конфеты, "Арбатское" и пошла к Рыбе, чтоб напиться и забыться.

– Плохо все, – сказала Рыба. – Надо было, чтоб сразу женился. А теперь и из квартиры попрут, ты ж там не прописана.

Любка рыдала, но, все еще, надеялась. Она долго надеялась, даже, когда инженер Степанов, покинув ее, перевелся по должности и семейным обстоятельствам в Москву. Когда собственноручно перенес ее вещи из их обжитого отдельно-однокомнатного гнездышка с окнами на солнечную сторону обратно в холодную неуютную семиметровку, не дав забрать даже шторы с люрексом, за которыми она три дня стояла в очереди и писала номерочки на руке. Полгода она ездила по выходным по адресу, указанному в письме и сидела на лавочке возле подъезда. Первое время инженер, несмотря на протесты тещи, спускался, садился рядом, закуривал и, вроде как, извинялся:

– Люб, ну ты пойми, ребенок же. Я не мог иначе, я ж не знал, – и сплевывал себе под ноги.

– Я знаю, – обреченно кивала Рыжова, – ты же порядочный. Но, может, ты, все-таки, меня любишь? Вернись, пожалуйста, я же не против, чтоб ты с сыном виделся. Сколько хочешь, только вернись. Мне без тебя плохо...

Потом уже и спускаться перестал – и, вообще, на выходные старался на матч билеты взять. Ходил с ребенком, возвращался к вечеру, довольный – после футбола и кафе-мороженого. Любка целый день ждала за углом – только бы увидеть и услышать. С лавки ее матюками из окна, закрытого шторами с люрексом, прогоняла теща Степанова. Разглядев издали знакомую пружинистую походку, Рыжова подбегала:

– Ваня, здравствуй, а я опять приехала.

– Люб, при ребенке не надо.

– Может, ты, все-таки, меня любишь? Вернешься домой? Мне без тебя плохо.

– А мне с тобой плохо. Ошибся я. Не ездь больше. Не мучай ребенка.

Кончилось тем, что семья Степановых обменяла однушку инженера в Подмоскowie и тещину двушку на трешку в другом районе и приезжать Любке стало некуда.

В корректорской злорадствовали, не стесняясь, в голос: "На чужом несчастье счастья не построить. А Женечка – молодец! Простила! Я бы не смогла. Хотя, ради ребенка можно

и перетерпеться". Рыжова тихо сидела за своей конторкой и умывалась слезами, стараясь не издать ни звука. Иногда, все же срывалась, выбегала в коридор, шла к Рыбе – прорыдаться.

– Тебе в отпуск надо, развеяться. Сходи в профком – путевки в Пятигорск дают, попроси. Я в прошлом году с девчонками ездила, условия хорошие – питание. Источники. Мужчины внимательные, из местных.

Узнав от своей маргариновой Розы, что шалава Рыжова, по совету Володиной, едет по путевке в Пятигорск, Иосиф Всеволодович тоже внезапно зануждался в поправке здоровья на минералке.

– Вот, ведь, козел плюгавый, бедную Лису утешать поехал, – шептались девчонки.

– Ага, половым покрытием, – вульгарничала Арбатуева.

Момент был выбран удачно – на водах под градусами коньяка и мыслей: "Если не Ваня, то все равно кто», Любка уступила домогательствам Йосика.

– Представляешь, – рассказывала она Рыбе, – Так он мне надоел со своими стихами и гвоздиками, что я, однажды, выпила лишку и говорю – сейчас я усну и делайте, что хотите, только не порвите колготки. А он мне: "Что Вы, Любочка, я очень аккуратно – даже юбочку не помну". Утром проснулась – вся моя одежда рядышком стопочкой на стуле. А он тихо елозит – ночью что ли не хватило?

– А, ведь, могла бы замуж выйти, как приличная, – сокрушалась Володина, – Красота-то не ушла еще.

– Не нужен никто, – отвечала Рыжова, – Мужа, ведь, любить полагается, а я Ваню люблю. И он меня любит, я знаю. Вернется, я подожду.

– Дура-ты, дура! – с облегчением смеялась Рыба, втайне радуясь такому положению дел. Если бы Любке, и впрямь, удалось переломить судьбу и устроить семейное счастье, то Володина от зависти и обиды, наверное, перестала бы спокойно спать по ночам. – Вернется, жди. Из трешки с ребенком в Москве в твою комнатушку с тараканами за сто верст на электричке.

– Йося обещал насчет квартиры, у него в исполкоме то ли родственник, то ли родственник родственника.

– А, ну тогда понятно все. Дадут, конечно. Тяжело ж ему по другим городам и гостиницам шараться с тобой, в его-то возрасте. А в комнату нельзя – там у стен уши. Тебе самой-то не противно?

– Иногда, все равно, а иногда противно, но я терплю. Дадут квартиру, уволюсь к чертям собачьим. Будет квартира – и отношение ко мне совсем другое будет. И Ване будет куда вернуться, если что.

– Ну смотри, но я б не смогла. Противный он.... Да и Жанка че-то пыхтеть начала, вдруг, догадается.

– Мне терять нечего, сама знаешь, репутация – табак. Как твои девочки-то? Подошли им колготочки?

– Ой, да все хорошо, что не дай – сама ж знаешь, как живем. И как я только держусь, чтобы и себе не завести такого ж черта плюгавого со связями. Но я же мать – мне нельзя дочерям пример подавать, – Машка покосилась на подругу: "Застыдила ли?", но та уже не слушала, глаза смотрели вдаль, за стекло, а мысли, наверное, улетели еще дальше – за сто верст.

– Ладно, побегу, – внезапно очнулась Рыжова, – Чехов, избранное, в набор сдавать скоро.

– Да, ладно. Уж теперь-то можешь не торопиться, без премии не останешься, – делано-добрым смехом хохотала вслед Машка.

В дверях Любка наткнулась на обширную фигуру хмурой Жанны, но ни одна нервная клетка ни одной из столкнувшихся не пострадала.

Связь с Йосиком неожиданно стала индульгенцией для Рыжовой – в корректорской ее начали жалеть. Справедливость восторжествовала – красавец-инженер поматросил и бросил и утешаться пришлось в объятьях мерзкого старикашки, что, конечно, никакого не утешение,

несмотря на полученную квартиру и послабления на работе. "Умом повредила на почве несчастной любви, прям, как Офелия – твердила Арбатуева, – Не старая ж еще, могла б и получше кого найти, да и замуж могла бы за иногороднего".

Новый год на работе отмечали тридцатого – и Любка на сей раз была допущена к общему столу. Помянули и ее вчерашний день рождения, поздравили – тридцать лет, все-таки, круглая дата. Рыжова расчувствовалась и подняв рюмочку встала и глядя прямо на Йосика, сидевшего на другом конце стола, в обнимку со своей маргариновой Розой тостанула:

– С новым счастьем, коллеги! За новую жизнь. Завтра иду писать заявление на расчет.

Все радостно ахнули, а Йосик тут же заслезился от неожиданности, и только его Жанна продолжала жевать "Оливье" и подливать «Лучистое» себе в бокал.

Однако, судьба снова готовила Любке подвох – уйти по собственному не получилось – через семь месяцев от Нового года пришлось уйти в декрет, а через девять месяцев родилась Наталья Николаевна. Йосик очень хотел, чтобы Наталья была Иосифовной, но Люба ограничилась фамилией Осипова, а отчество для дочери позаимствовала у несчастной жены Пушкина. Скандал, конечно, был. Жанна вяло прозрела и даже без особых эмоций собиралась подать на развод и размен квартиры. Но потом все как-то поутихло, был куплен торт "Киевский" и путевка в Пицунду для Жанны и ее мамы.

Рыжова вскоре получила двухкомнатную квартиру, и Рыба уже мешала с сочувствием изрядную порцию черной зависти: "Прибеднялась, прибеднялась, а сама – вон как, родила и квартиру в новом доме хапнула, а я-то ее жалела". Володина со своими пучеглазками жила в хрущевке на четвертом этаже. Раньше ее квартира казалась ей уютной и презентабельной – двушка, этаж не первый и не последний, балкончик, румынская стенка – мама ("Царствие небесное") в очереди достоялась. А теперь – кухня и коридор – не развернуться, комнаты проходные, маленькие. Горячая вода – через газовую колонку. С тяжелыми сумками из магазина – лезь на четвертый по тесной вонючей лестнице. А у Рыжовой (чтоб ей пусто было) – кухня девять квадратов, прихожая семь, комнаты на две стороны, лоджия – четыре метра – больше хрущевского санузла, туалет раздельный с ванной, лифт. Встроенные шкафы, кладовая. Новье кругом. Свой домашний телефон! "Господи, за что?!".

До пяти лет Любка считала себя самой счастливой матерью. Иосиф же начал подозревать неладное гораздо раньше, но она и слушать не хотела: "Наташенька, все понимает. Ну, молчит – это не беда. Она слушает, а потом все сразу скажет. Так бывает". В пять лет как-то сразу стало понятно, что и не понимает, и не скажет. Йосик уговаривал: "Любочка, надо в интернат, пока не поздно, ты же видишь, ребенок необучаем, а там специальные педагоги, методики. Я договорюсь, в Москве, очень хорошее заведение". Рыжова почернела и осунулась, она еще на что-то надеялась, но у Наташи начались припадки, и она сдалась. Успокаивалась тем, что Наташеньке там помогут – все исправят и она скоро сможет забрать дочку домой. Но, все равно, она знала, что предала – предала ребенка, бросила ее одну в казенных стенах среди казенных лиц. Ехала обратно из Москвы на электричке – глаза от слез не видят ничего, давка – дачный сезон – а она, словно бесплотной тенью стала – беспрепятственно сочилась в плотном потоке – от нее шарахались и обтекали – печать горя на лице, как защитный круг – никто в него не лезет.

По выходным: "Наташа, к Наташе". Всю неделю после работы – очереди – "Гостинцы Наташе, подарки няньками и заведующей". Йосик в корректорской подходит за конторку, нервничает, озираясь, гладит ту самую юбку и шепчет на ушко: "И не зайти к тебе, все тебе некогда". Рыба сочувственно злорадствует: "Пора бы, наверное, перестать к Наташе шастать, ну что ты ее бредишь? Только душу ребенку травмишь, так бы она забыла и привыкла, а тут ты каждый выходной – и она, конечно: "Ма, до. Ма, до".

"Мама, домой". И каждый раз: "Скоро, дочка. Скоро, Наташенька" И сердце екает: "Заберу, сегодня же заберу, не могу больше". Но заведующая интернатом сурово увещевает: "Ну куда ее, у нее же припадки – надо когнитивное колоть. Вы дома не сможете. И потом,

тут присмотр нужен круглосуточный, обучение специальное – что же Вам, работу бросать? А отца-то нет..."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.